
КОНТЕКСТ: ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Г.В. ГОЛОСОВ

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН МИРА: РЕГИОНАЛЬНОЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОСТИ

В политической науке широко распространены классификации партийных систем, основанные на количестве партий. Почти 60 лет назад О. Рэнни и У. Кендалл писали: «Одна из самых элементарных процедур при работе с сырыми данными, относящимися к политическим конфликтам, основана на понятии “партийных систем” и стремится к тому, чтобы приписать каждый из наблюдаемых случаев к тому или иному из трех типов – “однопартийная”, “двухпартийная” или “многопартийная” система» [Ranney, Kendall, 1954]. Разумеется, со временем эта классификация подверглась изменениям, а в качестве дополнений к ней или альтернатив были предложены многие другие. И действительно, партийные системы многомерны по своей природе [Gross, Sigelman, 1984, p. 463]. Некоторые классификации просто не включают в себя такого параметра, как число партий. Другие учитывают его лишь в качестве второстепенного. Таковы, например, классификации, основанные на уровнях институционализации партийных систем [Mainwaring, 1999] или «открытых» и «закрытых» структурах межпартийного соревнования [Mair, 2002]. Тем не менее есть несколько причин, по которым основанные на количестве партий классификации остаются актуальными и незаменимыми. Во-первых, именно они используются как элементы большинства многомер-

ных подходов к партийным системам [Wolinetz, 2006]. Во-вторых, различие между двухпартийными и многопартийными системами, а также родственными им промежуточными и дополнительными типами, является центральным для целого ряда важных исследовательских повесток дня. Таковы изучение влияния избирательных систем на партийные системы [Riker, 1982], формирования и устойчивости правительств [Grofman, 1989], институционального дизайна [Shugart, Carey, 1992] и эффективности управления [Chhibber, Nooruddin, 2004]. Следует также отметить, что количество партий – это наиболее очевидный, интуитивно понятный критерий для классификации партийных систем.

Тем не менее Г. Кокс был прав, когда отметил, что «хотя классификации партийных систем на основе числа соревнующихся в системе партий кажутся очевидными, они остаются в некоторых отношениях неоднозначными» [Cox, 1999, p. 145]. Наиболее отчетливо это проявляется в том обстоятельстве, что в литературе отсутствует общепринятое мнение даже по такому, казалось бы, простому вопросу, как число партийных систем разных типов. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы уточнить традиционную, основанную на количестве партий, классификацию партийных систем путем разработки нового метода различения их типов, а также применить разработанный метод ко всей совокупности либеральных демократий, существовавших в мире с конца XVIII в. На этой основе будут сделаны эмпирические выводы о региональном и хронологическом распределении партийных систем, моделях их устойчивости.

Классификации партийных систем в прошлом и настоящем

К классификациям, как правило, предъявляются следующие методологические требования: (1) они должны быть построены путем последовательной реализации классификационных принципов, (2) выделенные категории должны быть взаимно исключительными, (3) классификационная система должна быть полной. Первое требование реализуется путем построения классификаций на теоретической, а не эмпирической основе. Желательно, чтобы классификационные типы получили не только логическое, но и

математическое определение. За счет этого выполняется второе требование: каждая наблюдаемая партийная система должна недвусмысленно относиться к одному – и только одному – типу. Третье требование предполагает, что классификация обеспечивает полное покрытие мира, теоретическим отображением которого она является: не остается наблюдений, которые не относились бы ни к одному из типов. У данного требования есть важное эмпирическое измерение: данные, используемые для отнесения наблюдений к тому или иному типу, должны быть достаточными по всей совокупности случаев.

Говоря о существующих классификациях партийных систем, следует начать с наиболее влиятельной из них, разработанной Дж. Сартори [Sartori, 1976]. В какой-то степени она может быть отнесена к числу классификаций, основанных на количестве партий. Действительно, принципиальным для Сартори является различие между двухпартийностью и многопартийностью, а также дополнительный типом систем с доминирующей партией. Следует, однако, подчеркнуть, что в основе своей классификация Сартори является многомерной. Двухпартийность и многопартийность различаются по критерию «числа релевантных партий», т.е. таких партий, которые могут участвовать в формировании коалиций или блокировать их создание. Если сформулировать этот критерий в количественных терминах, то он сводится к присутствию или отсутствию партии, контролирующей более 50% мест в парламенте. Два других критерия не имеют отношения к числу партий. Типы многопартийности различаются на основании идеологической дистанции между релевантными партиями. Если она велика, то имеет место поляризованный плюрализм, а если мала – умеренный плюрализм. Системы с доминирующей партией характеризуются по совершенно отдельному параметру отсутствия чередования у власти. Хотя классификация Сартори построена по теоретическим основаниям, выделенные им типы не являются взаимно исключительными. Как отмечал сам автор, системы с доминирующей партией могут быть отнесены к двум другим типам [Sartori, 1976, p. 199]. Критерий идеологической дистанции, будучи важным для многих исследовательских направлений, может быть применен лишь к сравнительно узкому кругу индустриально развитых послевоенных демократий. Хотя среди существующих подходов к измерению идеологической дистанции есть достаточно убедитель-

ные [Maig, 2001], степень эмпирической разработанности проблемы просто не позволяет выйти за пределы этого узкого круга. В этом смысле классификация Сартори не может претендовать на полноту.

Видимо, недостатки классификации Сартори отчасти объясняют то, что параллельно с ней продолжают существовать подходы, основанные исключительно на количественных критериях. Важным этапом в развитии этих подходов стала классификация Ж. Блонделя [Blondel, 1968]. Основанием для различения типов в этой классификации служит доля голосов, совместно полученных двумя ведущими партиями. Хотя Блондель использовал свой подход ограниченно, лишь для анализа «западных демократий», он оказал существенное воздействие на более позднюю исследовательскую практику. К числу важных инноваций Блонделя относятся введение категории «двух-с-половиной-партийных» систем и выделение двух подтипов многопартийности, с лидирующей партией и без нее. Эти же категории, с небольшими модификациями и с добавлением систем с доминирующей партией, присутствуют в классификации А. Уэра [Ware, 1996]. В отличие от Блонделя, Уэр использует несколько количественных параметров: число партий, получивших по меньшей мере 3% парламентских мест, долю мест у лидирующей партии, а также долю мест, совместно выигранную двумя ведущими партиями (так называемую двухпартийную концентрацию). Наиболее тщательно разработан такой подход у А. Сиароффа [Siaroff, 2000]. Как и у его предшественников, основными критериями у Сиароффа служат число партий, преодолевающих определенный порог представительства, и двухпартийная концентрация. Но есть и важная инновация: добавлены относительные размеры (определенные как количественное отношение) двух лидирующих партий, а также второй и третьей по величине партий. Классификация Сиароффа отвечает всем сформулированным выше требованиям: она теоретически последовательна, состоит из взаимно исключающих категорий и полна. Хотя сам автор применяет ее лишь к послевоенным западноевропейским демократиям, нет никаких препятствий к расширению ее эмпирического охвата.

Очевидная проблема с классификациями, восходящими к подходу Блонделя, состоит в том, что по мере совершенствования они приобретают исключительно сложный характер. Хорошей иллюстрацией служит как раз классификация Сиароффа, в книге ко-

торого одни только определения типов, построенные на множественных количественных критериях, занимают две страницы. Это является недостатком тем более ощутимым, что в распоряжении политологов уже с конца 70-х годов есть достаточно простой и удобный инструмент, как будто решающий те же задачи – эффективное число партий (ЭЧП). ЭЧП было впервые разработано М. Лааксо и Р. Таагеперой как средство измерения фрагментации партийных систем [Laakso, Taagera, 1979]. Это количественный показатель, позволяющий описать любую партийную систему с помощью компактного числа, отображающего количество «важных» партий. Как отметил А. Лейпхарт, с помощью ЭЧП можно определить, является ли система двухпартийной или многопартийной, или какой-то иной [Lijphart, 1994, p. 67–69]. Многие ученые пытались реализовать этот подход более строгим образом, устанавливая на основе ЭЧП количественные пороги между различными типами партийных систем [Bogaards, 2004]. Ни одно из подобных решений, однако, не стало общепризнанным.

В действительности возможности использования ЭЧП для классификации партийных систем являются ограниченными. Отчасти это связано с недостатками его первоначальной математической формулировки, предложенной Лааксо и Таагеперой:

$$N_{LT} = \frac{1}{\sum_1^x s_i^2},$$

где для вычисления N_{LT} мы возводим абсолютные доли голосов или мест, полученных каждой партией (s_i), в квадрат, затем суммируем и делим единицу на полученную сумму. Данная формула присваивает слишком большие значения ЭЧП партийным системам с очень низкими уровнями фрагментации. Это существенный недостаток, но он устраняется при использовании альтернативной формулы [Goloso, 2010]:

$$N_p = \sum_1^x \frac{s_i}{s_i + s_1^2 - s_i^2},$$

где s_1 – абсолютная доля голосов или мест, полученных лидирующей партией.

Однако и эта формула не позволяет отобразить с помощью ЭЧП разницу между партийными системами, в которых есть партия абсолютного большинства, и теми, где такой партии нет. Между тем эта разница принципиально важна для классификации партийных систем. Данная проблема не поддается устранению путем математической переформулировки ЭЧП. Она носит концептуальный характер: спектр возможностей ЭЧП таков, что оно подходит для измерения фрагментации, но для решения других задач нужно разрабатывать дополнительные инструменты.

В то же время математическая конструкция ЭЧП важна как методологический урок для ученых, занимающихся классификацией партийных систем. ЭЧП основано не на абсолютных, а на относительных долях мест или голосов, полученных отдельными партиями. Характерно, что преимущество такого подхода было осознано Сиароффом, который, однако, применяет его непоследовательно.

Более последовательная его реализация возможна на основе графического дизайна, который я предлагаю назвать «треугольник относительных размеров» (ТОР). В рамках этого дизайна каждой из партийных систем приписывается определенное место на сегментированной диаграмме, сегменты которой соответствуют типам партийных систем [Goloso, 2011]. Слово «треугольник» относится к тому обстоятельству, что предлагаемые координаты точек ложатся внутри ограниченного пространства, приобретающего форму равнобедренного прямоугольного треугольника:

$$x = \frac{s_2 + s_r}{s_1 + s_r},$$

$$y = \frac{s_3 + s_r}{s_1 + s_r},$$

где s_1 , s_2 , и s_3 – процентные доли парламентских мест, полученные лидирующей, второй по величине, и третьей по величине партией, а s_r – доля мест, совместно полученная всеми остальными партиями, начиная с четвертой по величине.

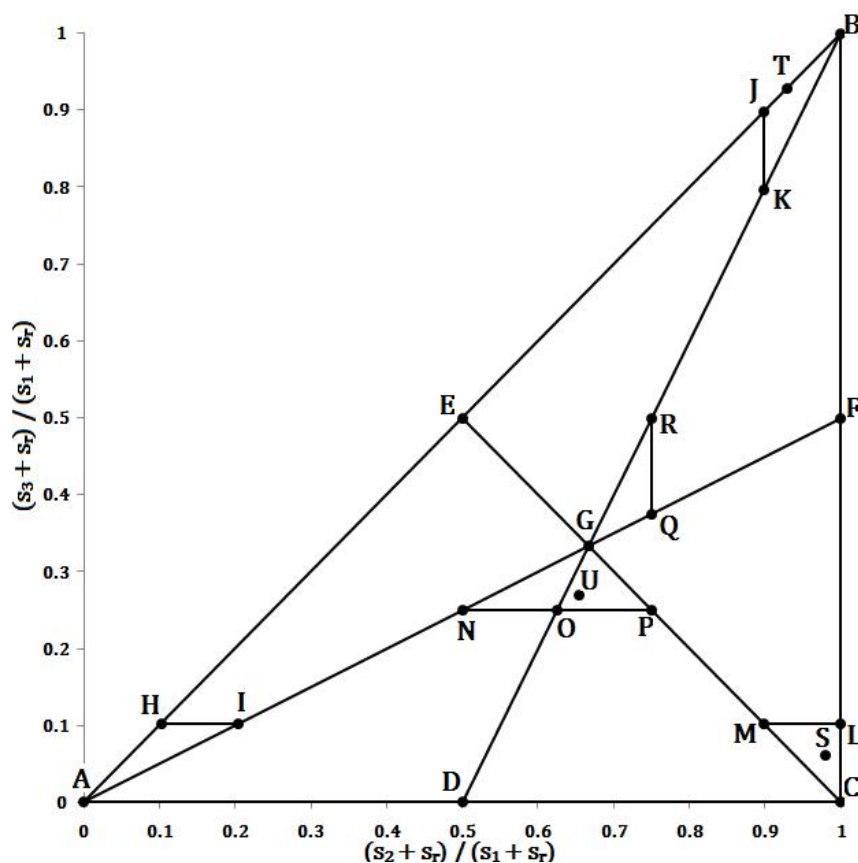

Схема 1.
Сегментированный треугольник относительных размеров

Графический дизайн ТОП представлен на схеме 1. Границами треугольника служат ось абсцисс (AC), линия $x = 1$ (BC), и линия $y = x$ (AB), параллельная оси ординат. Геометрическим центром треугольника служит его центроид (G), точка пересечения медианных линий. Медианы делят треугольник на шесть равных по площади сегментов, каждый из которых соответствует одному из теоретически важных типов партийных систем. Следует отметить, что

требование равновеликости сегментов, соответствующих таким типам, является принципиальным для подобных диаграмм [Comparing and contrasting the uses of two graphical tools for displaying patterns of multiparty competition, 2004].

Содержательные определения типов станут яснее, если проанализировать уравнения, которые описывают медианные линии: $y = 0,5x$ для AF , $y = 1 - x$ для CE и $y = 2x - 1$ для BD . Эти уравнения можно переопределить на основе введенных выше уравнений для координат. Тогда $y = 1 - x$ оказывается эквивалентным $s_l = s_2 + s_3 + s_r$, что достижимо лишь при $s_l = 0,5$. Значит, все точки, лежащие ниже линии CE , отображают констелляции, в которых есть партия абсолютного большинства, лежащие выше нее – те, где такой партии нет. На самой линии располагаются констелляции, в которых у лидирующей партии ровно половина мест. Сходным образом линия AF описывается как $s_3 = (s_2 - s_r) / 2$, а линия BD – как $s_2 = (s_l + s_3) / 2$. Дальнейшие отношения между сегментами диаграммы и традиционно выделяемыми типами партийных систем не проблематичны, поскольку они однозначно характеризуются вершинами треугольника. Вершина A представляет констелляцию, в которой все места принадлежат одной партии, а это – совершенная система с доминирующей партией. Вершина C – это точка идеальной двухпартийности, поскольку здесь только две партии, у каждой из которых ровно половина мест. В точке B мы находим идеальную многопартийность, поскольку сюда попадают все констелляции, состоящие из более чем двух равных по размеру партий. Таким образом, равные по площади четырехугольные сегменты $ADEG$, $CDFG$ и $BEFG$ представляют, соответственно, системы с доминирующей партией, двухпартийные и многопартийные системы.

Каждый из этих типов разделен медианой на два подтипа. Чтобы избежать концептуальных неточностей, я присваиваю каждому из этих типов оригинальное наименование: поливалентные (AEG) и бивалентные (ADG) системы с доминирующей партией; моновалентные (CDG) и поливалентные (CFG) двухпартийные системы; бивалентные (BFG) и моновалентные (BEG) многопартийные системы. Близкие аналоги моновалентных и бивалентных многопартийных систем обнаруживаются почти во всех традиционных классификациях – у Блонделя, Уэра и Сиароффа. В первых есть партия, которая абсолютного большинства мест не получает, но все же

значительно превосходит ближайших конкурентов по уровню поддержки, а во вторых существует по несколько сопоставимо сильных крупнейших партий. Моновалентная двухпартийная система – это просто двухпартийная система в традиционном смысле слова, а поливалентная примерно соответствует «двух-с-половиной партийному» типу. В литературе обычно не проводятся различия между поливалентными и бивалентными системами с доминирующей партией, но такое различие, на мой взгляд, полезно. Об этом свидетельствует то, что ученые, которые не выделяют системы с доминирующей партией как отдельный тип, первые относят к числу многопартийных, а вторые – к числу двухпартийных, в зависимости от числа малых партий в системе.

Отмечу, что как ЭЧП является специализированным средством для измерения фрагментации, плохо подходящим для классификации партийных систем, так и ТОР имеет достаточно узкую – но именно классификационную – задачу. Аспект фрагментации он отображает весьма несовершенным образом, за счет включения в формулы величины s_r , которая служит математическим пределом для величин x и y . Ни одна констелляция, в которой малые партии совместно набирают 50% мест или более, не может располагаться на диаграмме ниже линии EF . Но при этом все без исключения констелляции, включающие более чем две равные по величине партии, оказываются в одной и той же точке, B . Таким образом, ЭЧП остается незаменимым инструментом для более точного учета фрагментации.

Идентификация партийных систем: Проблемы и решения

На наиболее доступном для наблюдения уровне партийные системы предстают как результаты отдельных выборов. Последовательно проводя такой подход, можно прийти к заключению о том, что национальные партийные системы могут быть охарактеризованы на основе единичных наблюдений такого рода. С теоретической точки зрения, однако, такое заключение было бы несостоятельным. Как показал Дж. Сартори, по своей сути партийные системы есть повторяющиеся (recurrent), воспроизводимые модели взаимодействия между политическими партиями. Это значит, что

понятие о временной протяженности должно быть включено в операциональное определение партийной системы. Адекватным эмпирическим референтом партийной системы служат результаты последовательности выборов. Более того, можно предположить, что не каждая последовательность выборов является манифестацией партийной системы, ибо в некоторых из них отсутствует качество повторяемости. Отсюда – проблема идентификации, которая в рамках классификационных процедур состоит в том, что даже если теоретические основания для таксономии определены, то необходимо сделать еще один шаг и определить совокупность эмпирических единиц, подлежащих упорядочению. Проблема идентификации распадается на две составляющих: (1) выделение партийных систем и (2) вторичная адаптация классификационных принципов к выделенной совокупности данных. Рассмотрим эти аспекты последовательно.

Эмпирическую базу исследования составили данные о результатах выборов единственных или нижних палат национальных законодательных собраний, состоявшихся с 1792 по 2008 г. в независимых государствах мира. Учитывались лишь выборы, результатом которых стало избрание партийно-структурированных ассамблей, то есть таких, где доля партийных депутатов составляла не менее двух третей. Данные были получены из целого ряда справочных изданий [Caramani, 2000; Cook, 2001; Mackie, Rose, 1991; Elections in Africa, 1999; Elections in Asia and the Pacific, 2001; Elections in the Americas, 2005], а также баз данных PARLINE¹, Parties and elections in Europe² и продолжающихся публикаций (Political handbook of the world; Keesing's contemporary archives: Record of world events; Statesman's yearbook).

Поскольку речь в этой статье идет о демократических партийных системах, важной задачей была операционализация понятия о выборах, проведенных в демократических условиях. Главным инструментом для решения этой задачи стал индекс Полития IV, <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (Polity IV). Основаниями для выбора послужили как широкий хронологический охват данного индекса, так и то обстоятельство, что его значения относительно

¹ <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>

² <http://www.parties-and-elections.de>

слабо зависят от результатов выборов [Bogaards, 2007], что позволяет избежать автоматического исключения из поля исследования всех систем с доминирующей партией. В современной литературе преобладает точка зрения, что такие системы могут существовать в демократических режимах [Spiess, 2002]. Условия проведения выборов рассматривались как демократические, если значение показателя DEMOS было не ниже 6. Поскольку Полития IV не включает информации о малых странах, а я не видел оснований для их исключения из анализа, то в качестве дополнительного инструмента использовался рейтинг Freedom House (<http://www.freedomhouse.org>). Это позволило включить малые страны, в которых на момент проведения выборов средние показатели политических прав и гражданских свобод, согласно Freedom House, составляли не менее 3.

Далее я ограничил круг последовательностей выборов, которые могут служить эмпирическими референтами партийных систем, непрерывными – т.е. не прерывавшимися утратой независимости и/или демократии – последовательностями не менее чем трех выборов, состоявшимися в течение не менее чем пяти лет. Тем самым был удовлетворен критерий хронологической протяженности.

Чтобы удовлетворить критерий повторяемости, я ввел дополнительные определения перерывов в развитии партийных систем. Первым из них стала экстрасистемная волатильность, операциональной дефиницией которой служит получение не менее 25% мест в легислатуре партиями, которые ранее не имели в ней представительства. Вторым критерий – это кумулятивное изменение партийной системы. Процедура для эмпирической фиксации этого феномена состояла в том, что я разбил длительные последовательности выборов на серии из шести элементов каждая и сравнил медианные значения ЭЧП для этих серий. Если эти значения различались в рамках фактора 1,25 или более (т.е. предыдущее было больше или меньше следующего не менее чем в 1,25 раза), то я разбивал данную последовательность на две по линии выборов, на которых динамика ЭЧП была наиболее ярко выражена. Последовательное применение этих критериев позволило мне идентифицировать 162 партийные системы, существовавшие в мире с 1792 по 2009 г.

Это позволило перейти ко второй составляющей проблемы идентификации. В течение долгого времени эта составляющая ос-

тавалась методологически не отрефлектированной, потому что казалось, что у нее есть очевидное решение: если эмпирическим референтом партийной системы служит последовательность выборов, то для ее операционального определения достаточно вычислить среднее значение по установленным количественным параметрам. Но такая процедура чревата серьезными ошибками. Приведу пример, который, будучи гипотетическим, довольно близко воспроизводит вполне реальные ситуации, наблюдаемые в некоторых демократиях, например в англоязычных государствах Карибского бассейна. Рассмотрим последовательность из четырех выборов с двумя партиями, А и В. На первых выборах партия А выигрывает 90% мест, на вторых – 20%, на третьих – 70%, на четвертых все места выигрывает партия В. Средняя доля мест крупнейшей партии в этой последовательности составляет 85%, а среднее ЭЧП – 1,2. Значит ли это, что имеет место система с доминирующей партией? Нет, потому что в действительности здесь имеет место совершенное чередование у власти, характерное для чистой двухпартийности. Для того чтобы отобразить эту характеристику в компактной числовой форме, необходимо и достаточно брать средние значения не для констелляций в целом, а для отдельных партий по всей совокупности выборов. Для партии А такое значение составит 45%, а для партии В – 55%, с ЭЧП около двух. Данное решение легко оправдывается теоретически. С точки зрения общей теории систем усреднение индивидуальных значений не обязательно позволяет отобразить системное качество просто потому, что система больше чем совокупность частей [Von Bertalanffy, 1968]. С точки зрения теории партийных систем их воспроизводимость неразрывно связана с воспроизводимостью отдельных партий, а не только общей структуры соревнования.

Предлагаемый метод операционализации понятия партийной системы можно суммировать следующим образом. Сначала вычисляется средняя доля мест, полученных каждой из партий в рамках данной последовательности. Полученные величины ранжируются, что позволяет установить значения s_1 , s_2 , s_3 и s_r . На этой основе вычисляются координаты точки, отображающей положение данной партийной системы на диаграмме ТОР и позволяющие определить ее принадлежность к тому или иному сегменту. Данную точку будем называть «системным расположением» партийной системы.

Главная сложность этой процедуры состоит в том, что иногда бывает трудно определить преобладание между отдельными участниками выборов, особенно если речь идет о коалициях. Эта проблема, однако, поддается решению на основе имеющихся теоретических подходов [Sikk, 2005] и справочной, описательной литературы [Political parties of the world, 2005].

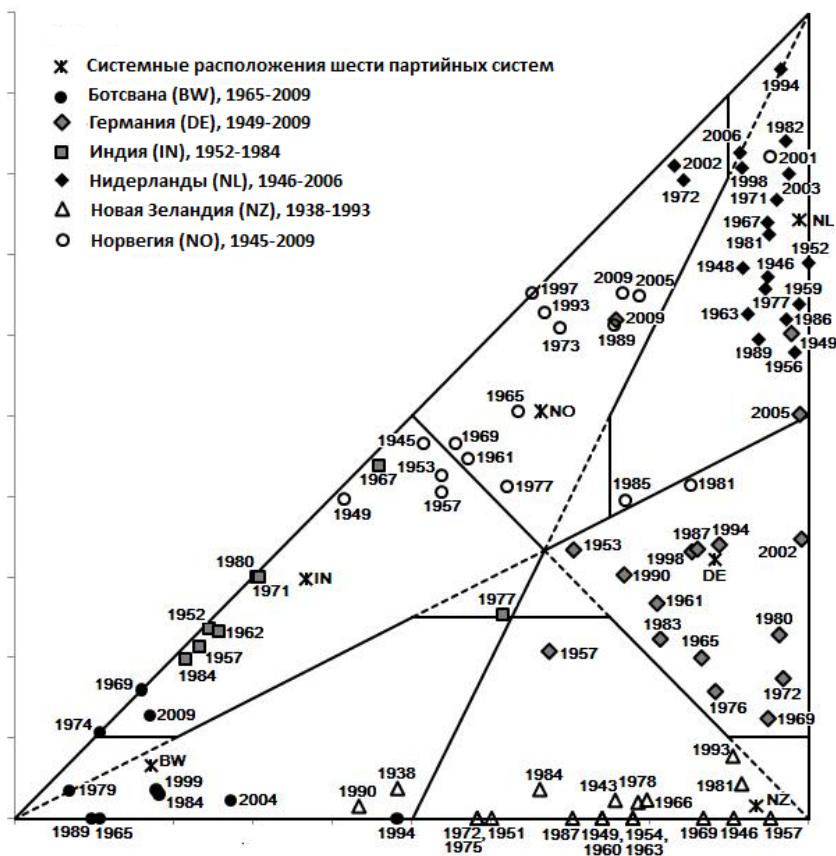

Схема 2.
Системные расположения партийных систем
и результаты отдельных выборов, 1938–2009 гг.

Схема 2 иллюстрирует отношение системных расположений шести партийных систем, которые принадлежат к различным типам, к расположению на ТОР точек, соответствующих отдельным выборам. Поскольку точность в измерении фрагментации не относится к числу достоинств ТОР, в качестве дополнения к классификации следует использовать ЭЧП. В соответствии с приведенными выше аргументами метод его вычисления можно модифицировать для более точного отображения системного качества путем использования средних долей мест, полученных отдельными партиями в рамках данной последовательности выборов. Такую меру можно назвать «системным эффективным числом партий» (СЭЧП). Значения СЭЧП обычно – но не всегда – больше средних значений ЭЧП, установленных традиционным способом. Скажем, в приведенном выше примере с абсолютными долями мест (0,9, 0,1), (0,2, 0,8), (0,7, 0,3) и (0,0, 1,0) среднее ЭЧП равно 1,20, что явно не отражает характеристик данной системы, а значение СЭЧП – 1,82, что соответствует ее двухпартийной природе.

Наконец, остается еще одна проблема. Рассмотрим гипотетическую последовательность трех выборов с тремя партиями А, В и С, которые получают абсолютные доли мест, соответственно (0,57, 0,40, 0,03), (0,25, 0,72, 0,03) и (0,62, 0,35, 0,03). Партии А и В чередуются у власти, в то время как партия С лишена существенного влияния и просто выживает на периферии системы. Однако абсолютные доли мест, усредненные для каждой партии по всей последовательности выборов, составляют 0,48 (А), 0,49 (В) и 0,03, в результате чего система в целом характеризуется как поливалентная двухпартийная (точка *S* на схеме 1). В действительности значительно более точно было бы определить эту систему как моновалентную двухпартийную, т.е. как двухпартийность в узком смысле слова. Признаков «двух-с-половиной-партийной» структуры здесь явно нет. Но для этого нужно модифицировать исходную сегментацию ТОР. Это достигается путем изъятия маленького сегмента *CLM*, примыкающего к точке совершенной двухпартийности, из категории поливалентных двухпартийных систем и присоединения его к категории моновалентных. Разделительная линия проведена таким образом, чтобы учесть выдвинутую Сиароффом идею двухпартийной концентрации 95% как грани между двумя типами. Точные координаты точек *L* и *M* – (1,0, 0,102) и (0,898, 0,102). Для трехпартийной констелляции с двумя

равновеликими крупнейшими партиями это соответствует 4,86% как средней доле наименьшей партии.

Были переопределены и другие сегменты TOP. Прежде всего, этого потребовали секторы диаграммы, располагающиеся вокруг центра G и у вершин треугольника. Скажем, конфигурация $(0,35, 0,325, 0,325)$ попадает в категорию моновалентных многопартийных систем (T на схеме 1). Но дистанция между лидирующей партией и ближайшими конкурентами там невелика, так что гораздо разумнее усмотреть здесь бивалентную многопартийность.

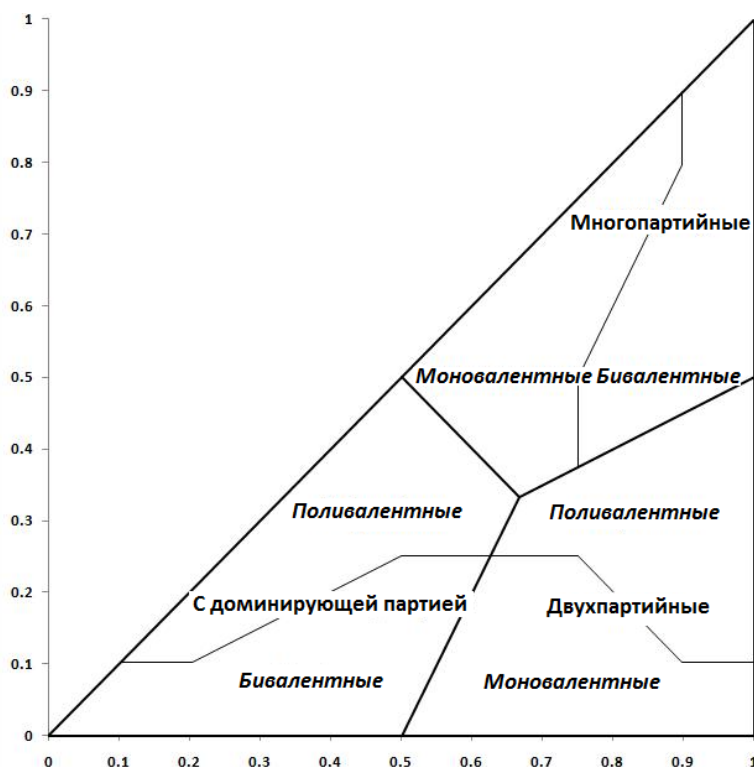

Схема 3.
Графический дизайн TOP с уточненной сегментацией

В итоге, оставив неизменными границы между большими сегментами, соответствующими трем основным типам, я переопределил подтипы следующим образом: в четырехугольнике *ADEG* сегмент *AHI* отнесен к бивалентным системам с доминирующей партией, а *GON* – к поливалентным; в четырехугольнике *CDFG* сегмент *CLM* отнесен к моновалентной двухпартийности, а *GOP* – к поливалентной; в четырехугольнике *BEFG* сегмент *BJK* отнесен к бивалентным многопартийным системам, а *GQR* к моновалентным. Результатом стала сегментация, которая по-прежнему отводит всем теоретически важным типам равные площади; объем изменений невелик – общая площадь перемещенных сегментов составляет лишь 6,25% от площади треугольника; сохранена и симметрия исходного дизайна. Новые линии сегментации могут быть определены на основе размеров компонентов. Например, линия *QR* ($x = 0,75$) описывается уравнением $s_2 = 0,75s_I - 0,25s_r$. Диаграмма TOP с новой сегментацией показана на схеме 3. Разумеется, нужно иметь в виду, что возможны и другие варианты альтернативной сегментации TOP.

Региональное и хронологическое распределение партийных систем

Как уже отмечалось, классификация демократических партийных систем мира включает 162 единицы: 31 систему с доминирующей партией, 61 двухпартийную систему и 70 случаев многопартийности. Средние и медианные значения СЭЧП для каждого типа даны в таблице 1. Можно обратить внимание на то, что в очень широком смысле предложенная классификация партийных систем гармонирует с подходом, основанным на учете фрагментации. Действительно, СЭЧП возрастает при переходе от одного типа к другому. Из таблицы 2, однако, вырисовывается более сложная картина. В рамках более дробной классификации динамика СЭЧП выглядит циклической: оно возрастает от 1,44 (бивалентные системы с доминирующей партией) до бивалентных многопартийных систем, а затем начинает снижаться, возвращаясь к исходному значению. Отсутствие линейного отношения между ЭЧП и принадлежностью партийной системы к той или иной категории особенно ясно следует из диапазонов значений, сообщаемых в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Распределение партийных систем по основным типам,
1792–2009 гг.**

Тип	<i>n</i>	Среднеарифметическое СЭЧП	Медианное СЭЧП	Диапазон
С доминирующей партией	31	1,61	1,52	1,04–2,34
Двухпартийные	61	2,29	2,28	1,76–3,40
Многopартийные	70	4,36	3,70	2,31–11,85

Таблица 2

**Распределение партийных систем по дополнительным типам,
1792–2009 гг.**

Тип	<i>n</i>	Среднеарифметическое СЭЧП	Медианное СЭЧП	Диапазон
Поливалентные с доминирующей партией	18	1,74	1,62	1,29–2,34
Бивалентные с доминирующей партией	13	1,44	1,43	1,04–1,99
Моновалентные двухпартийные	26	1,93	1,93	1,76–2,11
Поливалентные двухпартийные	35	2,56	2,44	2,18–3,40
Бивалентные многопартийные	42	4,86	4,23	2,31– 11,85
Моновалентные многопартийные	28	3,62	3,22	2,34–6,27

Данный результат имеет большое методологическое значение для тех исследовательских направлений, в которых ЭЧП часто используется как субститут типа партийной системы (например, при изучении взаимодействия избирательных и партийных систем). Оказывается, что операционализация партийных систем в собственном качестве, не на основе субститута, может дать существенно иные результаты при проверке гипотез, относящихся к

известному закону Дюверже и прочим подобным закономерностям. Разумеется, дальнейшее развитие этой темы находится за тематическими рамками настоящей статьи.

Классификация партийных систем мира в форме диаграмм представлена на схемах 4–6, которые дополняют таблицы 3–5. В частности, в таблицах сообщаются значения СЭЧП и хронологические рамки каждой из систем, которые определяются наиболее ранними и наиболее поздними выборами в каждой из последовательностей по состоянию на 2009 год. Перерывы в нумерации партийных систем (например, отсутствуют Коста-Рика 1 и Коста-Рика 3) объясняются тем, что не отображены лишние системного качества последовательности выборов, так называемые партийные не-системы [Sanchez, 2009], которые, однако, учитывались при первоначальной обработке данных. Черные точки на диаграммах соответствуют тем партийным системам, которые продолжали существовать в 2009 г., а белые – прекратившим свое существование к этому моменту. Партийные системы в диаграммах представлены по географическим регионам мира. Отчасти этот подход был избран просто для удобства презентации. Но он образует и удобную основу для содержательного обсуждения результатов, потому что позволяет судить о региональном распределении партийных систем.

Как следует из схемы 4, в Европе преобладающим типом является многопартийность. В прошлом среди европейских партийных систем были случаи поливалентных систем с доминирующей партией, и один такой случай был отмечен недавно (Молдова), но к 2009 г. все такие системы прекратили свое существование. Бивалентные системы с доминирующей партией практически отсутствуют. Немногочисленны и случаи моновалентной двухпартийности: помимо Великобритании и Мальты, к данному типу относится Лихтенштейн, а также партийная система Бельгии на раннем этапе ее существования. Более широко распространены поливалентные двухпартийные системы, включая архетипический случай послевоенной Германии. Но и этот сегмент трудно признать густо заселенным.

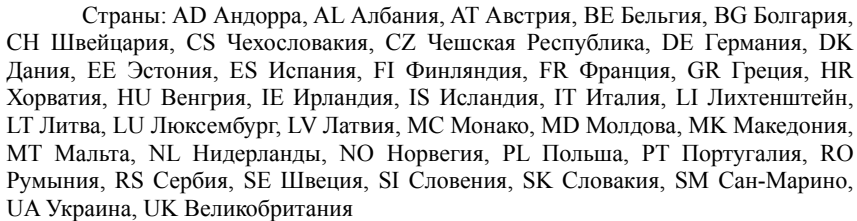

Схема 4.

Таблица 3

Партийные системы Европы, 1837–2009 гг.

Основной тип	Дополнительный тип	Партийные системы (период / СЭЧП)
1	2	3
С доминирующей партией	Поливалентные	Греция 3 (1910–1915/1,4), Дания 1 (1901–1906/1,9), Молдова (1998–2005/2,0), Португалия 1 (1915–1925/2,2), Швейцария 1 (1848–1857/1,5), Швейцария 2 (1860–1917/2,2)
	Бивалентные	Монако (1963–1998/1,0)
Двухпартийные	Моновалентные	Бельгия 1 (1854–1896/1,8), Великобритания 2 (1918–2005/2,0), Лихтенштейн 1 (1922–1936/1,8), Лихтенштейн 2 (1945–2009/2,0), Мальта (1962–2008/2,0),
	Поливалентные	Албания (1997–2009/2,4), Австрия 1 (1919–1930/2,3), Австрия 2 (1945–1990/2,3), Бельгия 3 (1946–1961/2,3), Болгария 1 (1990–1997/2,6), Великобритания 1 (1837–1910/2,3), Германия 2 (1949–2009/2,5), Греция 1 (1881–1895/2,6), Греция 2 (1899–1906/2,4), Греция 6 (1974–2009/2,4), Ирландия 2 (1927–2007/2,4), Исландия 1 (1923–1931/2,3), Испания 1 (1879–1898/2,7), Португалия 2 (1975–2009/2,8), Хорватия (2000–2007/3,4)

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Многопартийные	Бивалентные	Австрия 3 (1994–2008/3,3), Бельгия 4 (1965–1978/3,5), Бельгия 5 (1981–2007/10,2), Венгрия (1990–2006/3,3), Греция 5 (1950–1964/3,1), Дания 2 (1909–1939/3,6), Ирландия 1 (1922–1927/3,4), Исландия 2 (1933–2009/3,3), Испания 2 (1899–1920/3,7), Испания 4 (1977–2008/2,7), Италия 1 (1946–1987/3,0), Италия 2 (1992–2008/5,2), Литва 1 (1920–1926/8,0), Люксембург 2 (1945–2009/3,1), Македония (1990–2008/4,7), Нидерланды 2 (1946–2006/5,1), Польша 2 (2001–2007/4,3), Сербия (2003–2008/4,1), Словения (1990–2008/7,1), Финляндия 1 (1919–1939/3,7), Финляндия 2 (1945–2007/5,3), Франция 2 (1902–1936/8,8), Франция 3 (1945–1956/5,2), Чехословакия (1920–1935/11,9), Чешская Республика (1992–2006/3,8), Швейцария 3 (1919–2007/5,4)
	Моновалентные	Андорра (1993–2009/2,9), Бельгия 2 (1898–1939/2,4), Германия 1 (1919–1933/6,3), Греция 4 (1926–1933/2,9), Дания 3 (1945–1971/3,6), Дания 4 (1973–2007/4,9), Латвия 1 (1920–1925/5,3), Люксембург 1 (1919–1937/2,6), Нидерланды 1 (1917–1937/5,1), Норвегия 1 (1906–1936/3,7),

Продолжение таблицы 3

1	2	3
		Норвегия 2 (1945–2009/2,9), Румыния (1996–2008/3,7), Сан-Марино (1951–2008/3,0), Словакия (1992–2006/4,7), Украина (2002–2007/4,1), Франция 1 (1876–1898/5,6), Франция 4 (1958–2007/3,0), Швеция (1911–2006/2,9), Эстония 1 (1923–1932/5,3)

В противоположность этому партийные системы Америки характеризуются широким распространением обоих вариантов двухпартийности. Моновалентный вариант включает в себя, помимо Соединенных Штатов, подавляющее большинство малых демократий Карибского бассейна. Поливалентный вариант представлен преимущественно латиноамериканскими странами, но к нему принадлежат и прекратившие ныне существование ранние партийные системы Канады. Следует отметить, однако, что и в Латинской Америке многие такие системы вымерли. Это соответствует общей для региона тенденции к многопартийности, отмеченной С. Мэйнуорингом [Mainwaring, 1999]. Но и с учетом этой тенденции Латинская Америка заметно уступает Европе по распространенности многопартийных систем. Системы с доминирующей партией в Америке немногочисленны и принадлежат преимущественно к бивалентному типу. Лишь немногие из них дожили до наших дней. Можно отметить, что в целом спектр американских партийных систем явно смещен к правому краю диаграммы ТОР, что свидетельствует об интенсивности межпартийного соревнования в регионе.

Таблица 4

Партийные системы Америки, 1792–2009 гг.

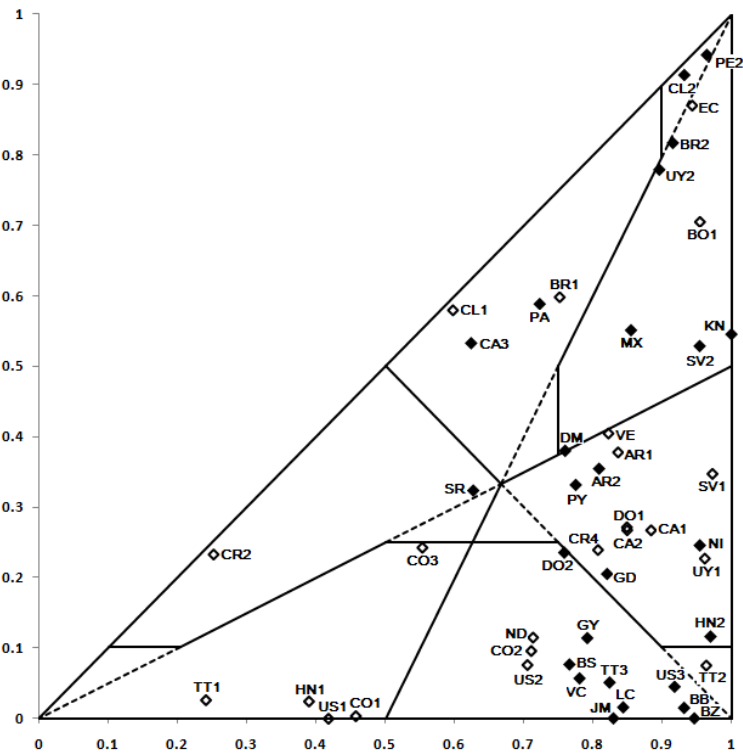
Основной тип	Дополнительный тип	Партийные системы (период / СЭЧП)
1	2	3
С доминирующей партией	Поливалентные	Коста-Рика 2 (1932–1944/1,5), Суринам (1996–2005/2,3)

Продолжение таблицы 4

1	2	3
	Бивалентные	Гондурас 1 (1926–1934/1,4), Колумбия 1 (1931–1947/1,5), Колумбия 3 (1991–1998/2,0), США 1 (1792–1824/1,4), Тринидад и Тобаго 1 (1961–1971/1,3)
Двухпартийные	Моновалентные	Багамские о-ва (1977–2007/1,9), Барбадос (1966–2008/2,0), Белиз (1984–2008/1,9), Гайана (1992–2006/2,0), Доминиканская Республика 2 (1998–2006/2,1), Колумбия 2 (1974–1990/1,9), Ньюфаундленд (1908–1932/1,9), Сент-Винсент и Гренадины (1979–2005/1,9), Сент-Люсия (1979–2006/1,9), США 2 (1826–1852/1,8), США 3 (1854–2008/2,0), Тринидад и Тобаго 2 (1976–1986/2,1), Тринидад и Тобаго 3 (1991–2007/1,9), Ямайка (1959–2007/1,8)
	Поливалентные	Аргентина 1 (1936–1942/2,8), Аргентина 2 (1985–2009/2,9), Венесуэла (1968–1993/3,0), Гондурас 2 (1989–2009/2,2), Гренада (1990–2008/2,2), Доминиканская Республика 1 (1978–1990/2,3),
		Канада 1 (1867–1917/2,4), Канада 2 (1921–1988/2,4), Коста-Рика 4 (1958–1998/2,3), Никарагуа (1990–2006/2,5), Парагвай (1993–2008/2,5), Сальвадор 1 (1982–1991/2,6), Уругвай 1 (1954–1971/2,4)
Многopартийные	Бивалентные	Боливия 1 (1985–1997/4,5), Бразилия 2 (1986–2006/7,1), Доминика (1990–2009/2,3), Мексика (1997–2009/2,8), Перу 2 (2000–2006/6,5), Сальвадор 2 (1994–2009/3,2), Сент-Китс и Невис (1984–2004/3,1), Уругвай 2 (1984–2009/3,0), Чили 2 (1989–2009/5,8), Эквадор (1984–2002/7,7)

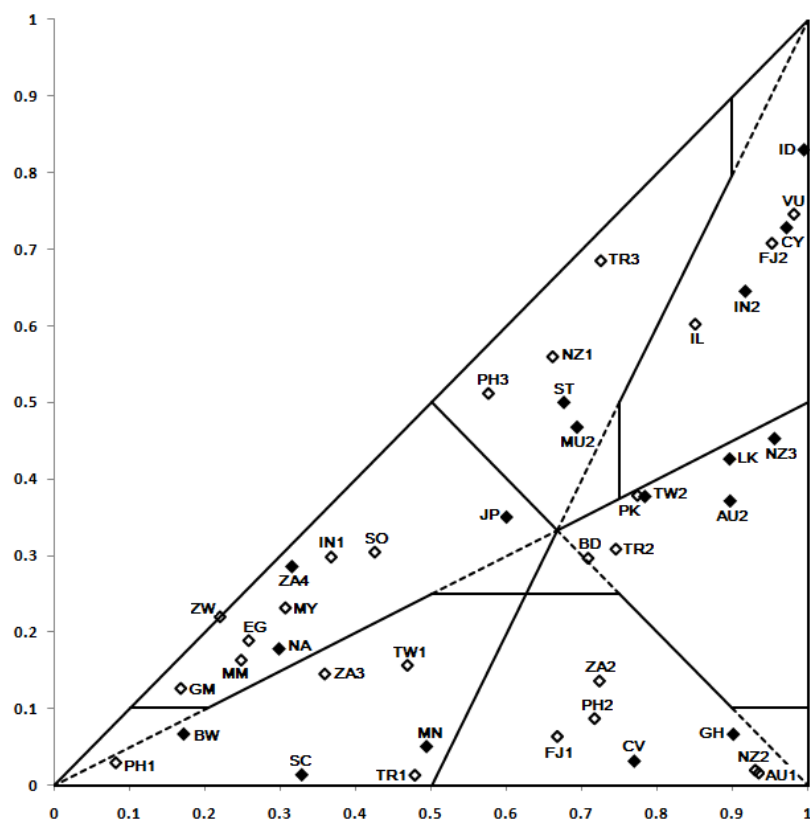
Продолжение таблицы 4

1	2	3
	Моновалентные	Бразилия 1 (1945–1958/3,4), Канада 3 (1993–2008/2,7), Панама (1989–2009/3,7), Чили 1 (1965–1973/2,9)

Страны: AR Аргентина, ВВ Барбадос, ВО Боливия, BR Бразилия, BS Багамские о-ва, BZ Белиз, СА Канада, CL Чили, СО Колумбия, CR Коста-Рика, DM Доминика, DO Доминиканская Республика, ЕС Эквадор, GD Гренада, GY Гайана, HN Гондурас, JM Ямайка, KN Сент-Китс и Невис, LC Сент-Люсия, MX Мексика, ND Ньюфаундленд, NI Никарагуа, ПА Панама, РЕ Перу, ПУ Парагвай, SR Суринам, SV Сальвадор, ТТ Тринидад и Тобаго, US США, УУ Уругвай, VC Сент-Винсент и Гренадины, VE Венесуэла

Схема 5.
Партийные системы Америки, 1792–2009 гг.

Страны: AU Австралия, BD Бангладеш, BW Ботсвана, CV Кабо-Верде, CY Кипр, EG Египет, FJ Фиджи, GH Гана, GM Гамбия, ID Индонезия, IL Израиль, IN Индия, JP Япония, LK Шри-Ланка, MM Мьянма (Бирма), MN Монголия, MU Маврикий, MY Малайзия (Малайя), NA Намибия, NZ Новая Зеландия, PH Филиппины, PK Пакистан, SC Сейшельские о-ва, SO Сомали, ST Сан-Томе и Принсипи, TR Турция, TW Тайвань, VU Вануату, ZA ЮАР, ZW Зимбабве (Южная Родезия)

Схема 6.
Партийные системы Азии, Африки и Океании, 1921–2009 гг.

Таблица 5

Партийные системы Азии, Африки и Океании, 1910–2009 гг.

Основной тип	Дополнительный тип	Партийные системы (период / СЭЧП)
С доминирующей партией	Поливалентные	Гамбия (1966–1992/1,3), Египет (1924–1929/1,5), Зимбабве (Южная Родезия) (1970–1977/1,4), Индия 1 (1952–1984/1,8), Малайзия (Малайя) (1959–1969/1,6), Мьянма (Бирма) (1947–1956/1,4), Намибия (1989–2009/1,5), Сомали (1959–1969/1,9), ЮАР 4 (1994–2009/1,7), Япония (1949–2009/2,3)
	Бивалентные	Ботсвана (1965–2009/1,2), Монголия (1992–2008/1,6), Сейшельские о-ва (1998–2007/1,3), Тайвань 1 (1992–1998/1,7), Турция 1 (1946–1954/1,6), Филиппины 1 (1934–1941/1,1), ЮАР 3 (1948–1989/1,5)
Двухпартийные	Моновалентные	Австралия 1 (1910–1917/2,0), Гана (2000–2008/2,0), Кабо-Верде (1991–2006/1,8), Новая Зеландия 2 (1938–1993/2,0), Фиджи 1 (1972–1982/1,8), Филиппины 2 (1949–1965/1,9), ЮАР 2 (1921–1943/2,0)
	Поливалентные	Австралия 2 (1919–2007/2,5), Бангладеш (1991–2001/2,3), Новая Зеландия 3 (1996–2008/3,3), Пакистан (1988–1997/2,9), Тайвань 2 (2001–2008/2,5), Турция 2 (1961–1969/2,4), Шри-Ланка (1947–2004/3,3)
Многопартийные	Бивалентные	Вануату (1991–2002/4,2), Израиль (1949–2003/4,7), Индия 2 (1989–2009/5,3), Индонезия (1999–2009/6,7), Кипр (1981–2006/3,4), Фиджи 2 (1992–2001/4,8)

Продолжение таблицы 5

1	2	3
	Моновалентные	Маврикий 2 (1987–2005/2,5), Новая Зеландия 1 (1911–1935/2,6), Сан-Томе и Принсипи (1994–2006/2,3), Турция 3 (1983–99/3,6), Филиппины 3 (1995–2001/2,9)

Партийные системы Азии, Африки и Океании (схема 6 и таблица 5) более диверсифицированы, что вполне естественно, учитывая величину и разнородность региона. Однако совершенно ясно, что вероятность возникновения систем с доминирующей партией в этом регионе значительно выше, чем где бы то ни было еще. Таких систем много не только в Африке, где их нередко рассматривают как преобладающий тип [Mozaffar, Scaritt, Galaich, 2003], но и в Азии, и не только среди отживших свое, но и среди продолжающих существовать систем.

Таким образом, для каждого большого географического региона можно установить существование некоторого характерного типа партийных систем. Это многопартийность в Европе, двухпартийность в Америке и системы с доминирующей партией в Азии и Африке. К такому же выводу приводит и применение статистической техники, известной как лог-линейный анализ. В связи с этим отмечу, что диаграмма РОТ решает эту задачу гораздо более простым и наглядным образом. В этом, собственно, и состоит одно из преимуществ использования графического дизайна для анализа данных.

Хронологическое распределение типов партийных систем – гораздо более равномерное, чем географическое. Подтверждающая это информация содержится в таблицах 6 и 7. Партийные системы в них классифицированы по времени возникновения, которое фиксируется как момент проведения наиболее ранних выборов в соответствующей последовательности. Устанавливая периодизацию глобального процесса развития партийных систем, я в целом следовал предложенной С. Хантингтоном концепции «трех волн демократизации» [Huntington, 1991], но адаптировал ее к природе наблюдаемых феноменов. Период с 1792 по 1938 г. в основном соответствует «первой волне» и последовавшему упадку демократии у Хантингтона. В 1939–1944 гг. новые партийные системы не воз-

никали. Поэтому следующий период начинается в 1945 г. и, охватывая «вторую волну» и последовавший упадок, завершается в 1974 г. Следующий период начинается с 1975 г. по той причине, что в этом году возникает первая партийная система, созданная «третьей волной» (в Португалии). Причина, по которой я не зафиксировал возникновения новых систем после 2003 г., носит методологический характер. Как явствует из таблицы 6, доля двухпартийных систем оставалась довольно стабильной в течение всех трех периодов. Доля многопартийных систем ощутимо увеличилась в последние десятилетия, что сопровождалось сокращением доли систем с доминирующей партией. Однако если исходить из более дробной классификации (таблица 7), то становится ясно, что распространение многопартийности в 1975–2003 гг. затронуло лишь один из ее вариантов, бивалентный. Напротив, доля моновалентных многопартийных систем немного сократилась. Таким образом, результаты показывают, что основная тенденция развития партийных систем состоит не в усилении фрагментации (среди новых систем довольно много двухпартийных), а в усилении конкуренции между ведущими партиями. Доли не очень соревновательных систем – не только с доминирующей партией, но и многопартийных – снижаются. Схема 7 показывает это вполне наглядно, учитывая, что высокосоревновательные системы располагаются ближе к правому краю ТОР. Впрочем, отсутствие ярко выраженной хронологической модели развития партийных систем тоже вполне заметно на диаграмме.

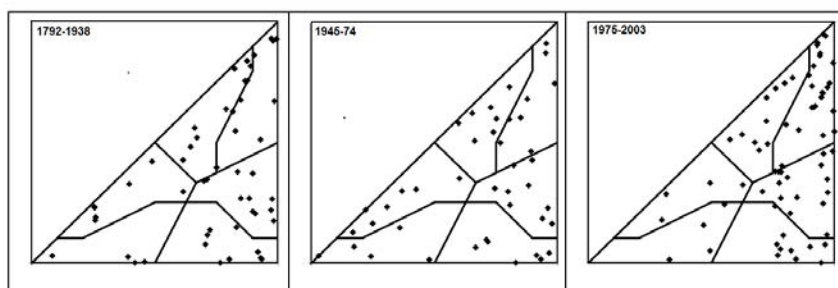

Схема 7.
Партийные системы мира по периоду их возникновения,
1792–2003 гг.

Таблица 6

Основные типы партийных систем по времени возникновения, 1792–2003 гг. (процентные доли, абсолютные числа в скобках)

Тип	1792–1938	1945–1974	1975–2003
С доминирующей партией	21,57 (11)	27,91 (12)	11,76 (8)
Двухпартийные	39,22 (20)	37,21 (16)	36,76 (25)
Многопартийные	39,22 (20)	34,88 (15)	51,47 (35)
Всего	100,01* (51)	100,0 (43)	99,99* (68)

Таблица 7

Дополнительные типы партийных систем по времени возникновения, 1792–2003 гг. (процентные доли, абсолютные числа в скобках)

Тип	1792–1938	1945–1974	1975–2003
Поливалентные с доминирующей партией	13,73 (7)	16,28 (7)	5,88 (4)
Бивалентные с доминирующей партией	7,84 (4)	11,63 (5)	5,88 (4)
Моновалентные двухпартийные	17,65 (9)	16,28 (7)	14,71 (10)
Поливалентные двухпартийные	21,57 (11)	20,93 (9)	22,06 (15)
Бивалентные многопартийные	17,65 (9)	18,60 (8)	36,76 (25)
Моновалентные многопартийные	21,57 (11)	16,28 (7)	14,71 (10)
Всего	100,01* (51)	100,0 (43)	100,0 (68)

Модели устойчивости партийных систем

Заключительный эмпирический тест был направлен на то, чтобы оценить уровни устойчивости партийных систем различных типов, операционально определенные как продолжительность их существования. Какие партийные системы более долговечны? При попытке ответить на этот простой вопрос мы сталкиваемся с методологической проблемой, которая состоит в том, что невозможно ограничиться анализом средней продолжительности существования партийных систем. Ведь многие из них все еще существовали на момент последнего наблюдения, и об их «сроке дожития» нам ничего не известно. К счастью, эту проблему решает применение статистической процедуры Каплана–Мейера, специально разработанной для анализа так называемых «цензурированных» данных, которые

включают единицы наблюдения с открытым сроком выживания [Cox, Oakes, 1984]. В таблице 8 сообщаются медианные значения времени выживания для различных типов партийных систем.

Как явствует из таблицы, моновалентные двухпартийные системы отличаются наибольшей долговечностью. За ними следуют поливалентные двухпартийные и бивалентные многопартийные системы, а далее – с большим отставанием – моновалентные многопартийные системы и обе разновидности систем с доминирующей партией. Более сложная картина вырисовывается на схеме 8, представляющей функции выживаемости для шести типов партийных систем. Как видно, эти функции различны с самого начала, но их соотношение не остается статичным. В течение первых 20 лет вероятность выживания особенно велика для моновалентных двухпартийных и бивалентных многопартийных систем. Им примерно в равной степени уступают поливалентные двухпартийные и моновалентные многопартийные системы. Однако с течением времени дистанция между двумя этими типами возрастает, и примерно на тридцатом году существования моновалентная многопартийность уподобляется системам с доминирующей партией, которые демонстрируют малую долговечность. В то же время поливалентная двухпартийность сближается с наиболее долговечными системами.

Таблица 8

**Медианное время выживания разных типов партийных систем
(процедура Каплана–Мейера)**

Тип	Медианное время выживания (годы)	Стандартная ошибка	95% доверительный интервал	
			Нижний предел	Верхний предел
Поливалентные с доминирующей партией	11	0,70	9,62	12,38
Бивалентные с доминирующей партией	17	6,79	3,70	30,30
Моновалентные двухпартийные	56	20,14	16,53	95,47
Поливалентные двухпартийные	41	15,79	10,06	71,94
Бивалентные многопартийные	42	8,71	24,92	59,08
Моновалентные многопартийные	25	3,74	17,67	32,33

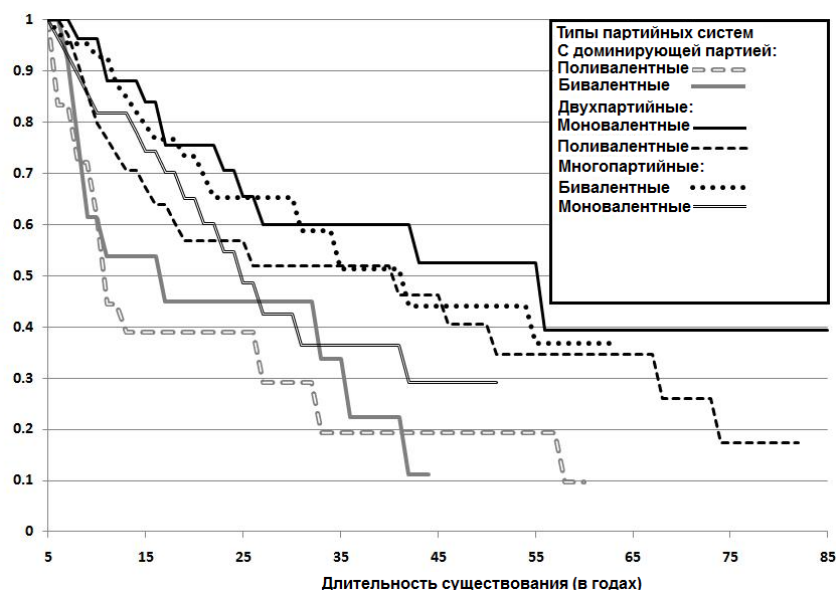

Схема 8.
Функции выживаемости для шести типов партийных систем

Заключение

Основная цель этой статьи состояла в том, чтобы классифицировать партийные системы мира по теоретически и методологически последовательным основаниям, обеспечив однозначное – взаимно исключительное – распределение единиц по классификационным кластерам и эмпирическую полноту охвата. Эта цель достигнута, что позволило получить некоторые содержательные результаты относительно глобальной динамики партийных систем. Показано, что системы с доминирующей партией всегда были наименее распространенной категорией; двухпартийные системы встречаются чаще, составляя примерно треть всего массива наблюдений; наиболее широко распространена многопартийность. Отчасти наблюдаемые вариации партийных систем могут быть объяснены региональной спецификой: возникновение многопар-

тийных систем наиболее вероятно в Европе, двухпартийных – в Америке, а систем с доминирующей партией – в Азии и Африке. Значительных кросстемпоральных вариаций не наблюдается. В частности, доля двухпартийных систем оставалась стабильной в течение всего периода наблюдений. Однако на этапе «третьей волны демократизации» произошли некоторые заслуживающие внимания изменения, включая упадок систем с доминирующей партией и более широкое, чем когда бы то ни было прежде, распространение бивалентных многопартийных систем. Как выяснилось, наиболее устойчивая партийная система – это моновалентная двухпартийность, а наименее долговечны системы с доминирующей партией. В целом, однако, мир партийных систем остается многообразным, что делает особенно актуальной дальнейшую разработку методологических средств, позволяющих адекватно отображать и изучать это многообразие.

Литература

- Blondel J.* Party systems and patterns of government in western democracies // Canadian journal of political science. – Toronto, 1968. – Vol. 1. – P. 180–203.
- Bogaards M.* Counting parties and identifying dominant party systems in Africa // European journal of political research. – Amsterdam, 2004. – Vol. 43. – P. 173–197.
- Bogaards M.* Measuring democracy through election outcomes: A critique with African data // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40. – P. 1211–1237.
- Caramani D.* Elections in Western Europe since 1815: Electoral results by constituencies. – L.; N. Y.: Macmillan reference, 2000. – xxi, 1090 p.
- Chhibber P., Nooruddin I.* Do party systems count? The number of parties and government performance in the Indian states // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 37. – P. 152–187.
- Cook C.* European political facts of the twentieth century. – 5th ed. – N.Y.: Palgrave, 2001. – ix, 481 p.
- Cox D.R., Oakes D.* Analysis of survival data. – L.: Chapman and Hall, 1984. – viii, 201 p.
- Cox G.* Electoral rules and electoral coordination // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – P. 145–161.

- Elections in Africa: A data handbook / D. Nohlen, B. Thibaut, M. Krennerich (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 1000 p.
- Elections in Asia and the Pacific: A data handbook / D. Nohlen, F. Grotz, C. Hartmann (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 776 p.
- Elections in the Americas: A data handbook / D. Nohlen (ed.). – Oxford: Oxford University press, 2005. – 1384 p.
- Golosov G.V.* Party system classification: a methodological inquiry // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2011. – Vol. 17. – P. 539–560.
- Golosov G.V.* The effective number of parties: A new approach // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 16. – P. 171–192.
- Grofman B.* The comparative analysis of coalition formation and duration: Distinguishing between-country and within-country effects // British journal of political science. – L., 1989. – Vol. 19. – P. 291–302.
- Comparing and contrasting the uses of two graphical tools for displaying patterns of multiparty competition / B. Grofman, A. Chiaramonte, R. D'Alimonte, S. L. Feld // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 10. – P. 273–299.
- Gross D., Sigelman L.* Comparing party systems: A multidimensional approach // Comparative politics. – N.Y., 1984. – Vol. 16. – P. 463–479.
- Huntington S.P.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. – Norman: Univ. of Oklahoma press, 1991. – xvii, 366 p.
- Laakso M., Taagepera R.* «Effective» number of parties: A measure with application to West Europe // Comparative political studies. – Beverly Hills, CA, 1979. – Vol. 12. – P. 3–27.
- Lijphart A.* Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – xvii, 209 p.
- Mackie T.T., Rose R.* International almanac of electoral history. – 2nd ed. – Washington, D.C.: Macmillan/CQ press, 1991. – xv, 511 p.
- Mainwaring S.* Rethinking party systems in the third wave of democratization: The case of Brazil. – Stanford: Stanford univ. press, 1999. – xix, 390 p.
- Mair P.* Comparing party systems // Comparing democracies 2: New challenges in the study of elections and voting / L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris (eds.). – L., 2002. – P. 88–107.
- Mair P.* Searching for the positions of political actors: A review of approaches and a critical evaluation of expert surveys // Estimating the policy positions of political actors / M. Laver (ed.). – L., 2001. – P. 10–30.
- Mozaffar S., Scaritt J.R., Galaich G.* Electoral institutions, ethno-political cleavages, and party systems in Africa's emerging democracies // American political science review. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 97. – P. 379–390.

- Political parties of the world. – 6th edition / B. Szajkowski (ed.). – L.: John Harper, 2005. – x, 710 p.
- Ranney A., Kendall W.* The American party systems // American political science review. – Washington, D.C., 1954. – Vol. 48. – P. 477–485.
- Riker W.H.* The two-party system and Duverger's law: An essay on the history of political science // American political science review. – Washington, D.C., 1982. – Vol. 76. – P. 753–766.
- Sanchez O.* Party non-systems: A conceptual innovation // Party politics. – Thousand Oaks, 2009. – Vol. 15. – P. 487–520.
- Sartori G.* Parties and party systems: A framework for analysis. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1976. – 344 p.
- Shugart M.S., Carey J.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – ix, 316 p.
- Siaroff A.* Comparative European party systems: An analysis of parliamentary elections since 1945. – N.Y.; L.: Taylor and Francis, 2000. – xvi, 484 p.
- Sikk A.* How unstable? Volatility and the genuinely new parties in Eastern Europe // European journal of political research. – Amsterdam, 2005. – Vol. 44. – P. 391–412.
- Spiess C.* Democracy and party systems in developing countries: A comparative study of India and South Africa. – Abingdon: Routledge, 2002. – xiii, 252 p.
- Von Bertalanffy L.* General system theory: Foundations, development, applications. – N.Y.: George Braziller, 1968. – xxiv, 295 p.
- Ware A.* Political parties and party systems. – Oxford: Oxford univ. press, 1996. – xix, 435 p.
- Wolinetz S.* Party systems and party system types // Handbook of party politics / R.S. Katz, W. Crotty (eds.). – L., 2006. – P. 51–62.